

Мать-ехидна

Маркус Агирре

Он открыл глаза и посмотрел на три солнца, которые плясали над ним какой-то странный и даже страшный танец. Но ведь не может быть три солнца, эта же звезда находится в одном экземпляре, и посему Маркус зажмурился и постарался пошевелиться. Тело отдалось странной болью, и молодой меловек поморщился и осторожно открыл глаза. Теперь светило одно единственное Солнце, никакого апокалипсиса не было, и можно жить дальше. И если отбросить все мысли и чувства по поводу всего произошедшего, то жить можно. И даже ноги и руки двигаются.

Он попытался встать. Неприятно и непривычно болели кости, мышцы свело, и голова закружилась. Хотелось пить, в горле пересохло. Он снова постарался встать и пошатнулся. Но удержался на ногах и поднял голову. Кажется, он упал. Он плохо помнил, что произошло, с этим можно потом разобраться.

Он стал осторожно подниматься, поскользываясь на камнях и сырой земле, два раза чуть не упал, и вскоре наконец выбрался на то место, откуда свалился. Сначала он увидел капли крови и дырявый кроссовок, а потом заметил Яреци. На ней была кровь. Он зажмурился. Он был гиеной. Он... набросился на сестру? Он сглотнул, его тело сковал ужас. Леденящий душу ужас. А вдруг он ее убил?

Послышался какой-то шорох, и он увидел маленькую девочку. Она стояла слишком близко к обрыву. Он сглотнул. И очень медленно и осторожно, чувствуя сильную боль в районе поясницы, направился в сторону девочки.

Кимико смотрела вниз с огромным любопытством. По земле что-то поползло, и девочка опустилась на корточки. И камень, на котором она стояла, пошатнулся и полетел вниз.

Маркус сорвался с места и успел схватить девочку за руку. Она взвизгнула от боли, а потом закричала. Молодой человек прижал ее к себе и, отойдя от края, опустился на землю и задрожал. Снова заболела голова и правый бок...

Тору Мотидзуки

Когда утром Яреци отправила его в деревню за покупками, Тору даже представить себе не мог, чем закончится это небольшое путешествие. На обратной дороге настроение у него было вполне себе безоблачное, а заплечный мешок, набитый доверху всякой всячиной, оттягивал плечи не настолько сильно, чтобы это могло реально мешать. Так что ничего не предвещало беды, перечеркнувшей последние счастливые и спокойные месяцы семейной жизни.

Сначала Тору слышал детский крик, плохо вязавшийся с картиной окружающей действительности, а потом почувствовал резкий укол в области сердца и, охваченный нехорошим предчувствием, сорвался с места. Больше всего он боялся опоздать, и оказаться рядом с ребенком, который вполне мог оказаться и его

собственной дочерью, слишком поздно. Но его ноги были все так же крепки, как и в молодости, поэтому в течение считанных секунд Тору преодолел расстояние, отделяющее его от возможности увидеть кошмарное зрелище.

Как оказалось, кричала действительно Кимико, но с ней, если не брать в расчет льющиеся слезы, было все относительно нормально. Конечно, Тору предпочел, чтобы прижимающий ее к себе братец Яреци держался от ребенка подальше, но не увидя угрозы в его действиях, не стал сразу устраивать по этому поводу скандал.

Понимая, что там где находилась Кимико, должна была быть и ее мать, Тору начал смотреть по сторонам, чтобы обнаружить лежащее на земле тело жены, не подающее признаков жизни.

Разорваться он не мог, поэтому, приняв за данность, что дочь находится в безопасности, он не стал пока привлекать ее внимание, бросившись к Яреци. Сердце готово было выскочить из груди, а мысли путались в жалкой попытке разобраться, что за трагедия разыгралась здесь незадолго до его появления. Но, к счастью, уже на подходах он понял, что его любимая женщина жива, пусть и находится в бессознательном состоянии.

Первичный осмотр показал отсутствие каких-либо внешних повреждений. А кровь на лице, напомнила ему ту ситуацию, когда Яреци переборщила с ментальной магией. И Тору очень надеялся, что у нее нашлись веские причины, чтобы в очередной раз рискнуть своим здоровьем.

- Что здесь произошло? - бросил он через плечо, снимая рюкзак и отставляя его в сторону. Кимико разревелась пуще прежнего и, понимая, что Яреци он сейчас ничем особенно не поможет, пока не выяснит подробности, Тору подошел к Маркусу и забрал у него дочку, стараясь как-нибудь успокоить малышку. Он так ничего и не понял, но хоть и испытывал острое желание наброситься на брата Яреци, считая его вероятным источником проблем, пока ничего не предпринимал, предпочитая ласково гладить Кимико по голове и бросать обеспокоенные взгляды на жену, пока так и не приходящую в себя, после предполагаемого использования ментальной магии.

Маркус Агирре

Девочка горько и громко плакала, и он прижимал ее к себе и абсолютно не понимал, что с ней надо делать. И сильно пугало, что он мог навредить малышке, ведь он схватил ее за руку. Возможно, он повредил ей плечо или что-то еще. Что делать? Что случилось с Яреци? Неужели он напал на свою сестру? Но...

Ничего додумать он не успел, так как появился муж сестры, и Маркус весь сжался в комок и почему-то покрепче прижал к себе ребенка. Ему было страшно, и он подумал, что сейчас Тору начнет избивать его, но не будет этого делать, пока у него в руках ребенок. Да, он прикрылся ребенком.

На вопрос мужчины он совершенно не знал, что ответить. Пока он думал, японец забрал ребенка, который стал снова громко плакать.

- Я... плохо помню... - освободившись от ребенка, он закрыл лицо руками и закусил

губу. Голова болела, и сильно ныл бок, по которому ударили. - Я... был гиеной. А потом... я набросился на кого-то... а потом упал в обрыв. - Он открыл глаза и посмотрел на мужчину. - Она стояла на краю обрыва и чуть не упала с него. Я успел схватить ее за руку. Наверное, она получила травму. Простите... - Он виновато опустил голову и снова задрожал. Почему-то стало очень холодно.

Яреци Фернандез

Какой-то крик проникал в сознание, и она медленно и осторожно открыла глаза. Яркий свет солнца резал по глазам, и она зажмурилась. А потом послышался голос Тору.

Тору пришел к ним, и она сильно вздрогнула и сглотнула. Но снова открыла глаза и пошевелилась. Голова неприятно болела, оставалось чувство тошноты, во рту было сухо, и пыль, попавшая в нос, вызвала приступы чихания. Прочихавшись, она услышала голос Маркуса. Слабый и заискивающий. А потом увидела, что он держит Кимико. Поблуднела и вскочила на ноги.

Лучше бы она этого не делала. Голова сильно закружилась и заболела, но она зажмурилась и пошатнулась. А потом посмотрела на Маркуса и перевела взгляд на мужа.

- Маркус был гиеной. Мне приснилось, что какой-то монстр нападает на Дарсию. Я попросила помощи у ее парня, и он чуть не уничтожил Маркуса. А потом... - она хмыкнула. - Я запретила Стефано его трогать, а Дарсия запретила мне трогать Стефано.

Говорила это она тусклым и безэмоциональным голосом. Сначала хотела подойти к дочери и мужу, но потом передумала. Ей сейчас хотелось только одного - лечь спать. А еще хотелось пить. И в голосе у нее в этот раз не было раскаяния или какого-то страха. В нем сейчас не было ничего.

Тору Мотидзуки

Живя с Яреци уже достаточно долго, Тору привык реконструировать произошедшее по бессвязным рассказам, но сейчас понять что же все-таки произошло, было сложно даже ему. Из слов Маркуса он вынес для себя только две вещи: тот снова превратился в гиену, и Кимико, оставшейся без присмотра, угрожала серьезная опасность, от которой ее спас мальчишка. Но н. успел он задать какие-то уточняющие вопросы, как Яреци начала подавать признаки жизни, вызывая у него облегченный вздох. И Тору уже было начал успокаиваться, понимая, что самого страшного его девочкам удалось избежать, как голос жены и, самое главное, сам текст заставили его вздрогнуть и на минуту оторваться от процесса успокаивания все еще подхныкивающей дочери.

Выходило следующее: превратившийся в гиену Маркус напал на Дарсию, Яреци это увидела во сне и примчалась на подмогу вместе с каким-то парнем, догадавшись потащить с собой Кимико. А потом началось какое-то жуткое непотребство, в результате которого все бросили на произвол судьбы ребенка, чуть было серьезно не пострадавшего, а то и вовсе не погибшего из-за безответственного отношения окружающих взрослых.

- Я правильно понимаю, - его холодный голос не предвещал ничего хорошего, - что ты бросила Кимико и начала драться с Дарсией и каким-то парнем, используя ментальную магию, чтобы помочь своему брату?

Тору очень надеялся, что просто неправильно интерпретировал слова жены, и она оказалась не настолько безответственной, чтобы совершенно забыть о собственном ребенке, подвергая опасности жизнь и здоровье дочери. Но в глубине души он понимал, что дело обстояло именно так, и лишь удачное стечение обстоятельств уберегло Кимико, забытой собственной матерью, от страшной беды.

Маркус Агирре

Почему-то было холодно. Его тело сильно дрожало. Может быть, это были нервы, и впервые в жизни он испугался за кого-то другого? Только сейчас, когда девочка перестала громко хныкать, до него дошёл весь смысл. Он спас эту маленькую девочку, которая из-за безответственности Яреци могла погибнуть. Будь другая ситуация, он бы позволил себе ухмылку, наглую и противную, но сейчас он как никогда раньше понимал, что должен был заниматься работой со своим зверем. Поэтому он просто сидел недалеко и притворялся камнем.

А вот голос и тон Яреци заставили его вздрогнуть и побледнеть. Значит, он действительно чуть не убил кого-то? А потом сестра начала его защищать от какого-то парня, который пытался его сбросить в обрыв? Но зачем? Зачем она это сделала? Он хотел это спросить, но не успел, так как с ней начал разговаривать японец, голос которого заставил его вообще вжаться в камень, около которого он сидел и чуть ли не перестать дышать, чтобы привлекать к себе как можно меньше внимания. Вообще, по хорошему, надо уйти, но он пока не хотел двигаться. Потому что он нашел позу, в которой ничего не болело. И шевелиться совершенно не хотелось. Он прикрыл глаза.

Яреци Фернандез

Она лишь хмыкнула на то, каким взглядом Тору смотрел на неё. Она не хотела смотреть на него, она не хотела видеть дочь. Она считала, что уже уничтожила всё хорошее, что было, и не хотела возвращаться назад. Она уничтожила дружбу, любовь, преданность. Но не было больно или страшно. Вообще ничего не было. Ничего!

- Да. Я потащила с собой Кимико. Потому что не могла её оставить. Тебя же вечно нет, ты вечно пропадаешь на работе, а потом ты снова пропадаешь на работе. Я устала, тору, устала от всего, что творится у нас дома. Я живу не такой жизнью, о которой мечтала, я не могу учиться. Потому что у меня Кимико, а ты постоянно на работе. Я не буду просить у тебя прощения, мне просто хочется отдохнуть.

Она говорила это абсолютно спокойным и холодным голосом, не повышая его и не крича. Она не психовала. У неё не было абсолютно никаких эмоций. Возможно, она когда-нибудь пожалеет об этом, возможно, она сейчас всё разрушила, и никакие разговоры не вернут её в то счастливое время, когда она любила и была любима. Но сейчас ей на всё было плевать. Она высказалась, и, кажется, стало легче. Только показалось.

Она перевела взгляд на Маркуса и подошла к нему. Походка её была нетвёрдая, но она сделала всё возможное, чтобы дойти до цели, а потом пнула Маркуса ногой по ноге. Наклонилась и дала ему разъярённую пощёчину.

- Не делай из себя святого, Маркус! Не делай вид, что ты весь такой хороший, что спас Кимико. Если бы не ты, то она бы не пострадала. Ты, - она снова ударила его по ноге, а потом попала в бок, - должен был работать со своим зверем. Почему все нормальные люди развивают свои способности, учатся и стараются, а ты ничего не хочешь делать? Да ты... да я... ненавижу тебя.

Она снова хотела дать ему пощёчину, но потом остановилась. Выпрямилась и посмотрела на мужа.

- Я вас обоих ненавижу! Да пошли вы! - сказала она и направилась вниз по склону

Тору Мотидзуки

Обычно, после серьезных проступков Яреци начинала плакать, извиняться или говорить на повышенных тонах. Но, пожалуй, только второй раз за историю их отношений, Тору слышал настолько спокойный и безэмоциональный голос, сильно контрастирующий с ужасными словами, которые им были произнесены. Конечно, его нельзя было назвать идеальным мужем, но в одном Тору был уверен - подобных слов в свой адрес он точно не заслужил. Все его жизнь вращалась вокруг семьи, и все его многочисленные работы были призваны обеспечить ей приличное существование.

"Концерт" в исполнении Яреци продолжался, и Тору молча смотрел за тем, как та бьет брата, которого сама же, по ее словам, еще недавно и защищала. Все поведение девушки говорило о полнейшей неадекватности и, вплоть до ее последних слов, он собирался дать ей вернуться в нормальное состояние, а потом как следует отругать, чтобы Яреци даже в самом фантастическом сне не приходило в голову повторить нечто подобное. Но потом она, сообщив, что ненавидит их с Маркусом, развернулась и просто ушла, перечеркивая все одним простым действием, даже не посмотрев на свою заплаканную дочь, которая, судя по всему, стала для нее обузой, и оставляя его, раздавленного и опустошенного, прижимать малышку к себе.

Какое-то время Тору просто не мог ничего сказать, чувствуя в груди ноющую боль, которая с каждой минутой становилась все сильнее. Он терпел очень долго. Терпел капризы, истерики, непонятные выкрутасы, но, пожалуй, произошедшее сегодня стало для него последней каплей, переполнившей чашу терпения. Яреци не просто втоптала в грязь его самого, она показала, что не имеет ни малейшего права называться матерью Кимико, ставя его перед очень непростым выбором, который он пока боялся даже сформулировать, хоть и понимал всю неизбежность серьезных перемен в их семейной жизни.

- Пойдем, тебе надо в лазарет, - прервав затянувшееся молчание сказал Тору, обращаясь к Маркусу. - Он поднял оставленный на земле рюкзак, повесил его на одно плечо, поцеловал затихшую дочку в щеку и отправился в сторону монастыря,

не проверяя, идет ли мальчишка следом. Тот вполне мог передвигаться самостоятельно, да и куда подальше Тору не посылал его только по той простой причине, что Маркус спас Кимико, но, на данный момент, на этом и заканчивался тот максимум доброжелательности, который Тору был в состоянии из себя выжать.

Маркус Агирре

Яреци говорила какие-то страшные вещи в адрес мужа, от которых Маркусу почему-то становилось больно и неприятно. Наверное, она оказалась точной копией своей мамашки. Такая же стерва, которая никого никогда не любила. Раньше Маркусу было плевать на всё это, но сейчас появилось что-то другое. Вина? Яреци была полностью права, когда сказала ему, что он не занимался со своим зверем, не просил помощи, и из-за него пострадала её подруга. И пострадала маленькая девочка. Вот это было совсем неправильно. Как бы Маркус ненавидел людей, к детям у него всегда было нейтральное отношение и он предпочитал как-то разбираться в этих конфликтах.

Когда Яреци начала его бить, он просто сидел. Не защищался и не боялся её ударов. Только один раз зажмурился, когда она замахнулась для новой пощёчины. А потом тяжело вздохнул. Она сказала, что их ненавидит, и ушла. Он посмотрел на её мужа и вздрогнул. Тот выглядел очень плохо, и Маркус решил воспользоваться предложением пойти в лазарет. Тору ушёл, не дожидаясь его, и он осторожно встал на ноги. Бок сильно болел, и он посмотрел вслед сестре. Что делать в таких ситуациях? С одной стороны, ему было жалко сестру, хоть и не были понятны её закидоны и ненависть к мужу, но с другой стороны ему было жалко её мужа.

Взвесив все "за" и "против", Маркус догнал мужчину, который уже прошёл через ущелье. Маленькая девочка положила голову на его плечо и смотрела куда-то отсутствующим взглядом. Он подбежал к ним, чуть не взыв от острой боли где-то в районе грудной клетки.

- Мотидзуки-сан, я... простите меня, но я... согласен с ней, что должен был работать со зверем, и... наверное, это моя вина, что ваша дочь чуть не пострадала. Простите. - Говорил он искренне и стараясь сделать свой голос бодрым, но он дрожал. - Но... что вы будете делать? - Вырвалось у него и он опустил голову.

Тору Мотидзуки

До монастыря было не так уж и далеко и, в другой ситуации, Тору мог бы даже получить некоторое удовольствие от небольшой прогулки, но только не сейчас... Ноги словно налились свинцом и каждый шаг давался ему с огромным трудом, пусть со стороны казалось, что передвигается от не только быстро, но и легко. И только волнение за притихшую Кимико заставляло его двигаться вперед и вообще сохранять некоторую адекватность.

Через какое-то время Тору заметил, что Маркус все-таки последовал за ним, но снижать темп не стал, полагая, что тот, при желании, без особых проблем сможет его догнать. Если в этом вообще был какой-то смысл, поскольку он сам сейчас не горел особым желанием вступать в разговор, особенно на болезненную тему.

- Отнесу дочь в лазарет, а потом верну ее домой, - кратко ответил Тору на заданный

догнавшим его Маркусом вопрос. - Он и сам плохо представлял, что ему делать дальше, поэтому пока предпочитал думать только о Кимико, ставшей, на какое-то время, центром его вселенной. На Маркуса он злился меньше, чем на остальных участников этой истории, поэтому на его извинения коротко кивнул, показывая, что не собирается больше возвращаться к этому вопросу. По странной причуде судьбы, мальчишка оказался единственным, кто хоть как-то подумал о маленьком и беззащитном ребенке, за что Тору был готов простить ему предыдущие прегрешения.

Маркус Агирре

Японец только кивнул на его слова о прощении, и этого было достаточно молодому человеку. Потому что Тору его не ударил, не прогнал, а просто позволил ему идти рядом. Маркус знал, что стоит его оставить одного, но не думал, что сейчас это правильно. Этому японцу, сейчас потерянному и грустному, нужна была хоть какая-то поддержка. Маркус знал, что тот имеет полное право послать его куда подальше, и удивлялся, почему тот еще этого не сделал, но не рискнуть не мог. Сейчас была не та ситуация, чтобы просто плюнуть на всё и зажечь своей жизнью. Потому что впервые в своей жизни он почувствовал, что был сам виноват. Если бы он занимался со своим зверем, то не напал бы на подругу Яреци.

В этом да - он был виноват. Но не в том, что Яреци оказалась такой истеричкой, повела себя также, как её мамаша. В этом была виновата только Яреци. Но не Тору. Маркус покачал головой и посмотрел на девочку, которая ещё всхлипывала, но смотрела на него с интересом. Он слабо улыбнулся, и Кимико улыбнулась в ответ.

- Всё у тебя будет хорошо, малышка, - тихо сказал он, а потом посмотрел на Тору. - Я... могу я вам чем-то помочь? Не подумайте, я не желаю, чтобы вы ко мне относились иначе. Я к вам тоже не поменял отношение. И к ней тоже. Я её считаю заносчивой истеричкой и занудой. Но... мне просто жалко её, - он кивнул на девочку и осторожно щёлкнул её по носу. Кимико засмеялась. А он вздохнул и опустил голову. Они дошли до лазарета, и Маркус остановился. Бок вроде бы и болел, но не так сильно, чтобы ходить к врачам. А вот девчонку надо было показать - вдруг у неё что-то с рукой?

Тору Мотидзуки

В другой раз Тору обратил бы внимание на странное поведение Маркуса, обычно думающего только о себе, но сейчас, удивительная доброжелательность мальчишки, не доходила до тех уровней сознания, когда он мог посчитать ее чем-то значимым. Слова брата Яреци словно проскальзывали мимо его ушей, заставляя сосредоточиться, чтобы понять их содержание. Но, что интересно, компания Маркуса его не напрягала и не вызывала желания послать парня куда подальше, чтобы остаться наедине с Кимико.

- Я разберусь. - Казалось, ему предлагали помощь, поэтому Тору среагировал соответствующим образом. - Ему не была нужна чья-то жалость или сочувствие. Ему хотелось только убедиться в том, что его дочка здорова, и должным образом о ней позаботиться. Потому что в первую очередь он был отцом, а уже только потом мужем, если после последних событий он еще мог так называться.

- Ты пойдешь? - на автомате спросил Тору, когда они добрались до лазарета. Судя по всему мальчишка серьезно не пострадал, но выглядел он после всей этой истории не лучшим образом. Хотя его ответ особого значения не имел, поэтому Тору, так его и не дождавшись, перешагнул порог лазарета, прижимая к себе Кимико и ласково поглаживая по голове самое дорогое существо в его жизни.
